

Ветеран партии в боевом строю

30 декабря 1922 года он вступил в 1904 году. Сегодня, как и всегда, Иван Акимович является активным пропагандистом. Ветеран рад общению со студентами, рабочими, инженерами, учеными, работниками искусства, часто встречается с молодежью, рассказывая о замечательных достижениях народов ССР в поднятии экономики и культуры, о превращении в жизнь национального союзного государства.

В работе этого съезда принимал участие один из старейших коммунистов нашей страны Иван Акимович Лычев, которому недавно исполнилось 90 лет. В партию

он вступил в 1904 году. Иван Акимович является активным пропагандистом. Ветеран рад общению со студентами, рабочими, инженерами, учеными, работниками искусства, часто встречается с молодежью, рассказывая о замечательных достижениях народов ССР в поднятии экономики и культуры, о превращении в жизнь национального союзного государства.

В НОЧНОЙ тиши едва слышно треснуло оконное стекло. Три темные фигуры бесшумно открыли раму, проникли в класс и уже через несколько минут поднялись на второй этаж. Вот и застывшая дверь, прочно онтая железом. За неё — военный кабинет школы.

Темные фигуры, в перчатках привычно орудовали отверткой. Им во что бы то ни стало нужно было достать оружие. А дверь не поддавалась. Трое очень торопились. Но в тревожной тишине гулких коридоров громовым эхом раздались шаги сторожа.

Преступники бросились бежать. Их лиц никто не видел, и только равнодушный снег молчаливо прятал следы да взъерошенный столож торопливо набирал «02»...

Это не отрывок из нового детектива. Это горькая история о том, как три подростка на пороге зрелости свернули на скользкий путь преступлений.

С чего же все это началось? Может быть, с того момента, когда, перехав в многоэтажный красавец дом, подростки вышли во двор и при знакомстве, позабыв нормальные человеческие имена, наделили друг друга кличками? Возможно, жильцы этого дома № 12 по улице Черданцева еще помнят имена и фамилии вихрастых мальчишек, а вот детвора иначе как по кличкам их и не разбирает.

А может быть, они сдружились в доле чести самостоятельного досуга, когда их родители были заняты на работе или коротали время за бутылками отнюдь не с минеральной водой? Сейчас ясно одно — никого из окружающих эта дружба не пугала. А создавалась она на очень непрочном основании. Все трое Владимиры, всем семнадцать лет, все трое никогда не учиться и не работают, и поэтому невольно каждый из троих тянул другого вниз.

Когда-то Владимир Самойлов занимался ГПУ-40. Потом бросился, постоянно бродяжничал, что и познакомило его с отчимом, то у деда. Руководство ГПУ-40 не wollte вопрос — куда девались их ученики. Да и матери, вероятно, было проще и спокойнее, когда

сын жил у деда: меньше хлопот и нервотрепки. А у деда Владимира было совсем неплохо. Тот не контролировал внука, не занимался его воспитанием. Зато предоставлял кров и стол. Большего Владимира и не нужно было. Он уже давно перешагнул тот возраст, когда дети нуждаются только в ласке. Ему нужен был старший товарищ в лице матери или отчима, который помог бы ему определиться в жизни, которого он мог уважать, и словам которого прислушиваться. Лишний всего этого, Самойлов сам нашел

Это как в той детской игре: красные всегда воюют против белых. И никто не хочет быть белыми. И если бы судьбы этих мальчишек по-настоящему волновали родителей, школу, комсомол, то из вихрастых вонтиелей с деревянными саблями могли вырасти настоящие красивые бойцы. Но случилось иначе. Ребята словно оказались в лагере Белых, и уже не игрушечное, а настоящее оружие они собирались повернуть против мирных людей, чтобы стать «вооруженными грабителями на СССР-шой дороге».

На ТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ

Разные судьбы

себе друзей. Друзей, которые не упрекали за то, что бросили учить ся и не хотят работать. Друзей, которых он был нужен как равнодушный среди них.

Впрочем, равнество это было весьма относительным. При определенной схожести судеб каждый из них прошел и преступлением по разным причинам. Для Владимира Панкрашина встреча с сотрудниками милиции не таила в себе неожиданностей. Он всеми силами старался ее избежать, а она — приблизить. Дело в том, что весьма недолгое пребывание в Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

Термин «бездотвичина» появился в послевоенные годы, когда страна с трудом залечивала раны и слишком многие легли на поле боя, чтобы никого уже не вернуть к своим сыновьям. И никого не удивляла в те годы горькая бабы доля. Война всегда оставляет после себя вдов и сирот. Только многие солдаты тех послевоенных лет, на плечи которых лег двойной груз — восстановления разрушенного войной хозяйства и воспитания детей, почему-то смогли вырасти из них настоящих людей.

А. С. Макаренко писал в свое время: «Если вы желаете родить гражданина и обйтись без родительской любви, то будьте добры: предупредите об этом обществу, что вы желаете сделать такую гадость». Ибо судьба ребенка, лишенного родительской любви, не является только его личной трагедией. Испалеченный заброшенностью ребенок — нередко в будущем неполноценный человек.

Борьба с птичьими правами, когда-то такая естественная, стала для Владимира Арутюнова настоящим испытанием. Он уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

Владимир, окончив восемь классов, пошел трудиться. Ему очень хотелось быть в отчиме старшего друга. Он даже работал последние времена в одной организации вместе с ним. Но Николай Михайлович, кроме горьких разочарований, ничего не смог дать пасынку. Давно опустился изящий человек, «летун», начавшийся пасынок, «петух», наставляющий саночника, и бывший. Вот далено не полная характеристика Рубцева.

Владимир чувствовал, что живет как-то не так, что друзья не доведут его до добра. Он часто заходил в детскую комнату милиции просто так посидеть, поговорить. Хотел остаться в Самаркане, где работал последнее время с отчимом, даже о месте договорился. Но Николай Михайлович с кем-то там поздорорил по пьяну, с тем, что кем-то разругался с Владимиром тоже пришлось вернуться в Ташкент.

Борьба с самим собой закончилась полным поражением. Владимир Арутюнов стал на путь совершения преступлений. ...Трое долго бежали по темным улицам. Сначала бежали, потом шли, убедившись, что их никто не преследует. И разойтись бы им спокойно по домам, перекинув перепонки неудавшегося «приключе-

ния». А. С. Макаренко писал в свое время: «Если вы желаете родить гражданина и обйтись без родительской любви, то будьте добры: предупредите об этом обществу, что вы желаете сделать такую гадость». Ибо судьба ребенка, лишенного родительской любви, не является только его личной трагедией. Испалеченный заброшенностью ребенок — нередко в будущем неполноценный человек.

Борьба с птичьими правами, когда-то такая естественная, стала для Владимира Арутюнова настоящим испытанием. Он уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством и преступностью.

В Ташкенте, да еще на птичьих правах (он жил непрописанным, где придется) не прошло бесследно. Ему уже разыскивали, чтобы побеседовать о дела куда менее невинных, чем просто кражи. И друзья Панкрашина знали об этом. Знали и помалкивали. Гамское сообщество еще теснее сплотило троицу. Оно привносилось в их отношения тот элемент таинственности и риска, которого всегда недостает подросткам. Риска, который подменил собой ту подлинную смелость, что их сверстники в годы войны проявили на полях сражений, а в мирное время — в борьбе с хулиганством